

И. М. Кулишер

**Очерк экономической
истории Древней Греции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. М. Кулишер**
Очерк экономической истории Древней Греции / И. М. Кулишер – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 240 с.

ISBN 978-5-458-23025-4

ISBN 978-5-458-23025-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Зачатки настоящей книги относятся к тому времени, когда автор, готовясь за границей к чтению курса истории экономического быта в СПб. Университете (к которому приступил в 1905 г.), между прочим, делал выписки из древних авторов, касающиеся различных сторон хозяйственной жизни классической древности. В то время, однако, как другие части подготовленного тогда курса появились затем в печати и, неоднократно перерабатываемые, переиздавались (см. Лекции по истории экономического быта Зап. Европы, изд. 6-ое, т. I и II), отделы, относящиеся к первобытному хозяйственному строю и к экономической жизни древних народов, хотя также каждый раз дополняемые, до сих пор не увидели света.

Впрочем, то, что имелось у автора, сводилось к указанным выпискам из древних классиков, расположенным по различным вопросам, к которым затем присоединялись и надписи. Поэтому, когда изд. „Огни“ в 1921 г. обратилось к автору с предложением написать для одной из его серий историю экономического развития древности, то оказалось необходимым проделать еще большую работу сводки и обработки имевшегося материала, как и перевода последнего на русский язык. Автор в первую очередь приступил к Греции эпохи независимости. Однако, вскоре изд. „Огни“ прекратило свою деятельность и книга

выйти не могла. Впоследствии же, будучи занят другими своими сочинениями, автор лишен был возможности вернуться к прерванной работе и только теперь удалось закончить ее и представить на суд читающей публики.

Задачей автора являлось дать вполне объективную, без всяких прикрас, картину экономической жизни древней Греции, подтверждая всякое положение свое имеющимся фактическим материалом. Исходя из единства процесса хозяйственного развития у всех народов, мы все же должны каждый раз ставить себе вопрос, до какой ступени дошло хозяйство той или другой изучаемой нами страны, в данном случае древней Греции, и если при разрешении этой проблемы приходится на ряду с твердо обоснованными положениями высказывать и такие взгляды, которые не могут быть вполне подтверждены находящимся в нашем распоряжении материалом, то мы обязаны это обстоятельство в достаточной мере оттенить, указав на то, что это не более, как предположение; поскольку же данных вовсе нет, единственно возможный ответ:—*ignotamus* (мы не знаем). К сожалению, эти принципы в применении в особенности к экономической истории древности соблюдались до сих пор весьма мало и нередко получались, вследствие этого, вместо прочного знания — совершенно фантастические построения.

Первоначально сделанные в подлинниках выписки автор частью заменил имеющимися на русском языке переводами, частью же, поскольку таких переводов не оказалось, или они не удачны (или автор не мог их достать), автор, переводя их на русский язык, в большинстве случаев сверял с переводами, существующими на других современных языках. Иногда, впрочем, и это не представлялось возможным, за отсутствием вообще переводов (или невозможности разыскать их), и в этих случаях могут, конечно, встретиться погрешности в пе-

редаче. Равным образом и подстрочные ссылки на соответствующие места в сочинениях древних (или на нумерацию надписей в сборниках) могут в том или ином случае оказаться неточными, так как эти ссылки были сделаны много лет тому назад и не всегда их удавалось проверить. За такого рода дефекты, если бы они обнаружались (автор надеется, что их немного), автор заранее извиняется перед читателем и за указание их будет весьма благодарен. В интересах читателя, обычно незнакомого с греческим языком, при передаче терминов последние напечатаны латинскими буквами.

Февраль 1925 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Территория.—Население¹⁾).

1.

Нейман и Партш в своей «физической географии Греции, уделяющей особое внимание древности», указывают на различные особенности климата, почвы и рельефа древней Греции, отразившиеся на культурной истории ее.

Прежде всего Греция вдоль и поперек изрезана горами. Имеется, в сущности, одна лишь долина—Фессалийская. Все остальные минимальных размеров, не более $2-2\frac{1}{2}$ миль в длину и $1-1\frac{1}{2}$ миль в ширину. Прочая поверхность покрыта горами. Отсюда разорванность и рассеянность греческого народа в политическом отношении, склонность каждого племени к самостоятельности и отделенности от всех других, многочисленность отдельных государств, слабая связь между ними, трудность совместных военных действий и ранняя гибель их независимости. Но отсюда и интенсивная жизнь этих греческих общин, разбросанных среди гор, стремление каждой опередить всех других, приложение всех усилий к использованию тех небольших пространств, которые оставляли им горные хребты, высокая культура разбросанных среди последних долин, которой не достигли самые благословенные уголки земного шара²⁾).

---

¹⁾ Neumann-Partsch. *Physikalische Geographie von Griechenland mit besonderer Rücksicht auf das Altertum*. 1885. Letronne. *Mémoire sur la population de l'Attique*. Acad. des Inscriptions. Nouv. Série. VI. Houssiaie. *Mémoire sur le nombre des citoyens d'Athènes au Ve siècle*. Ann. de l'associat. 1882. Gernet. *L'approvisionnement d'Athènes en blé au V et au IVe siècles*. Mélanges d'histoire ancienne. 1909. Wallons. *Histoire de l'esclavage*. 2 éd. T. I. Boeckh. *Die Staatshaushaltung der Athener*. 3 Aufl. 1886. Ed. Meyer. s. v. *Bevölkerungswesen (Altertum)*. Handwört. der Staatswiss. 3. Aufl. B. II. Beloch. *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*. 1886.

²⁾ Neumann-Partsch. p. 152.

Другая характерная особенность—господство моря и глубокое внедрение его в континент. Эта роль моря выражается в выравняющей температуре, в однообразном климате. Контрасты исчезают и на протяжении 35—41° сев. широты на берегах и островах создается почти одинаковая теплота; при средней температуре Эллады в 17½°, даже в отдаленных частях Эгейского моря отклонения составляют не более 1½—2½°, в Ионическом еще меньше. Благодаря этому, на всем протяжении Греции и омывающих ее морей эллин себя чувствовал одинаково хорошо, везде была его родина, колонизация могла быстро подвигаться вперед, распространение греков, их культуры, их влияния могло совершаться в широких размерах, охватывая все берега и острова Эллады.

Но оно могло пойти и дальше. Усеянное островами и островками, море давало греку ряд промежуточных пунктов, станций. Переходя от одной к другой и не оставляя нигде из виду родины, он подвигался к Малой Азии, так же, как, возвращаясь из Черного моря и проходя через Геллеспонт, мореплаватель уже видел перед собой возвышающийся на горизонте Афон—он был уже вблизи родины.

Ни один пункт Пелопонеса не отдален более 7 миль от моря, ни один пункт Средней Греции—более 8 миль, ни один пункт Эпира и Фессалии—более 14 миль. Это богатство бухт, глубоко врезающихся в континент, и обилие островов, разбросанных среди морей, должно было рано вызвать, хотя бы из любопытства, стремление попасть в близлежащие местности, перебраться на соседние острова. Они находились тут же рядом, на пространстве 5 миль от любого острова,—ведь имелись другие острова или берега—цель лежала перед глазами. А острова к тому же гористые, так что они ясно видны на этом расстоянии, в особенности при прозрачном воздухе. Мореплаватель нигде не оказывался в безбрежном море, везде его манили к себе берега, и в несколько часов он мог их достигнуть.

В этом сближении соседних племен, в этой возможности узнать у рядом живущих то или другое, что самому неизвестно, подражать, заимствовать, упомянутые авторы усматривают нечто гораздо более важное в смысле культурного развития, чем в сношениях греков с египтянами или финикийцами при гораздо большей отдаленности этих народов как географически, так и в отношении техники и культуры, а следовательно, при малой доступности их грекам, сложности и непонятности для них египетских и финикийских произведений¹⁾.

¹⁾ Neumann-Partsch. p. 127 сл.

Но в то же время Нейман и Партш подчеркивают и те огромные затруднения, которые представлялись мореплавателям, в виду сильных ветров и подводных рифов, отсутствия прикрытых бухт и удобных гаваней. Таков весь запад и юг Греции, за исключением лишь Коринфийского и Тафийского заливов. И в северной части, и у мыса Хаймериона, как и у западного побережья Пелопонеса, в Мессенском и Лаконском заливах—везде сильные течения, юго-западные опасные для мореплавателя ветры, бедность в защищенных местах для стоянки кораблей; особенно опасным, в виду бурь, считался мыс Маляя, при входе в Эгейское море. Но и последнее не отличалось особенной гостеприимностью. Восточные берега Фессалии, Эвбеи, Лаконии, Арголиса изобиловали подводными скалами и мелями и грозили гибелью отважному пловцу, и только Саронский и отчасти Эвбейский заливы—в сущности одно юго-восточное побережье Эллады поощряло судоходство¹⁾.

Таким образом, с одной стороны, близкие цели манили к себе грека, заставляли его переплывать на соседние острова и берега, а, с другой стороны, море пугало его, удерживало от плавания. Ему приходилось ограничиваться тихими бухтами, не удаляясь за пределы их, и только после продолжительного опыта, знакомства с морем он мог решиться на более крупные задачи. Быть может,—прибавим от себя—этим объясняется тот факт, что колонизация Греции и Малой Азии совершилась сравнительно очень рано, тогда как морская торговля—как мы увидим ниже—значительного развития не достигла во всю эпоху независимости Греции. На отдельные немногочисленные плавания с целью создания новых поселений греки могли решиться, частые же сношения между различными берегами, как этого требует торговый обмен, встречали слишком много естественных препятствий. Море им всегда казалось чем-то страшным и опасным.

Наконец, характерную черту Греции составляет ее сухой климат, летняя жара, отсутствие дождей в это время, наиболее резко чувствующееся в Афинах и в Аттике вообще, как и во всей восточной части Греции, тогда как в западных областях большая лесистость и большое количество выпадающих осадков смягчали летний зной. Испарения так велики, что речки и ручьи высыхают, и даже то небольшое количество влаги, которое искусственно создано, исчезает. Весна и осень гораздо богаче водя-

¹⁾ Neumann-Partsh p. 138—46.

ными осадками, но и в эти времена года они не распределяются сколько-нибудь равномерно, а выражаются в проливных дождях, смывающих на горах верхний наиболее плодородный почвенный слой и обнажающих горы ¹⁾). Не орошая землю, вода на несколько часов наполняет пересохшие русла ручьев или просачивается через скалы, как сквозь сито, и тёрется для почвы.

Этот недостаток воды вызвал особенно любовное отношение греков к «священной влаге». Мертвецу дается пожелание на дороге иметь свежую воду и ставится в гробницу кувшин с водой. Источники высоко ценятся, ирригация широко производится. Последующее обеднение некогда плодородной страны — результат прекращения забот о распределении и сохранении влаги, изсякания прежних водоемов ²⁾).

Климатические условия отражались не только на фауне и флоре, на преобладании растительности и видов животных, мирящихся с сухой почвой и недостатком влаги, но и на крайней ограниченности потребностей населения. Высокая температура вызывала умеренность в пище — бедный афинянин довольствовался похлебкой из ячменной муки, немногими оливками, фигами или луковицами, тогда как мясо редко появлялось на его столе ³⁾).

II.

Сколько насчитывалось населения в Греции в различные эпохи? В таком виде на этот вопрос обыкновенно вообще не дается ответа. Пытаются исчислить население одной только Аттики приблизительно в IV ст. (в эпоху расцвета). Бек определяет его в 500 тысяч, из них 135 тыс. свободных и 365 тыс. рабов. Исходят из сообщений древних авторов о количестве полноправных граждан; оно колеблется между 20 и 30 тыс. Так, при распределении хлеба в 445 г., по Филокору, оказалось 14.240 афинян и 4.760 неправильно себя показавших таковыми. Во время Пелопонесской войны число их, очевидно, увеличилось, ибо по Фукидиду, имелось 13 тыс. гоплитов и сверх того в запасе 16 тыс. граждан и неполноправных. В первой речи против Аристогитона, приписываемой Демосфену, также указано около 20 тыс. граждан. При

¹⁾ Б. Л. Богаевский (Очерк земледелия Афин, 1915 г., стр. 55) указывает на то, что суть именно не в недостаточности осадков, а в крайне неравномерном их распределении.

²⁾ Neumann-Paritsch. p. 28 сл., 65 сл., 81 сл.

³⁾ Ibid. p. 40—41.

делении имущества Дифила, равнявшегося 160 талантам, на долю каждого гражданина пришлось 50 драхм, так что получается 19.200 граждан. Наконец, в 309 году при Дмитрие Фалернском был произведен подсчет населения и оказалось, по словам Ктесикла, приводимым в сборнике Афиней (других сведений об этом нет), 21 тыс. граждан, 10 тыс. неполноправных и 400 тыс. рабов. Считая число взрослых граждан и неполноправных за четвертую часть населения, получаем 84 тыс. граждан обоего пола и всех возрастов и 40 тысяч неполноправных. Что же касается рабов, то при таком подсчете оказалось бы их целых 1¹/₂ миллиона. Этого чересчур много даже для тех, кто считает Аттику не менее населенной, чем современные западноевропейские страны. Но так как какую-нибудь цифру все же надо взять, то исходят из того ни на чем не основанного предположения, что здесь указано общее их количество, а не только число отцов семейств. Таким образом, получается общая цифра населения Аттики в 524 тыс. (Валлон ее определяет в 580 тыс., Сен-Кроа в 640 тыс.), Бек считает достаточным и 500 тысяч человек. Из этих 500 тыс. 240 тыс. Бек относит на город Афины и 260 тыс. на прочие местности Аттики ¹⁾. Но мыслима ли такая цифра?

Если считать в городе 10 тыс. домов, то при 240 тыс. на дом придется в среднем 24 человека. Эти 10 тыс. взяты из указания Ксенофонта, что в Афинах больше 10 тыс. домов ²⁾. Однако, оно ровно ничего не доказывает. Он просто хотел сказать, что их много—целая мириада, но вовсе не думал определять числа. Мало того, согласно тому же Ксенофону, семья в 14 человек (в доме проживала обыкновенно одна семья) считалась весьма большой, выше средней. Так что и 140 тысяч было бы много, у Бека же взято целых 240 тысяч. Он ссылается, правда, на то, что были «фабрики» с большим числом рабов, а в районе, где проживали рабы, работавшие в рудниках, население было весьма густое. Между тем—как мы увидим ниже—все эти разговоры о крупных предприятиях в Афинах и о сотнях работавших в них рабов ни на чем не основаны. Что же касается рабов в рудниках, то большое количество их выводится из того, что неизвестный современник Ксенофонта советует афинскому государству покупать рабов для эксплуатации рудников за соб-

¹⁾ Boeckh. Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. von Fraenkel. В I 1886. p. 42 сл.

²⁾ Xenophon. Memorabilia. II, 7. 2. III, 6. 14.

ственный счет, указывая на то, что при 10 тысячах рабов казна выручит 100 талантов. К этому он прибавляет, что их могло бы работать в рудниках еще гораздо больше; это может подтвердить всякий, кто помнит, сколько доставил сбор с рабов до событий при Декелее ¹⁾. Фукидид же сообщает, что при Декелее бежало 20 тыс. рабов ²⁾. Бек находит, что это указание относительно казенных рабов в рудниках странно и весьма неясно, почему он признает невозможным с ним считаться ³⁾. Но одно, во всяком случае, вытекает из рассуждений этого автора—то, что для него и 10 тысяч рабов составляют огромную цифру. Самое сокращение их во время Декелейской войны составляло, как мы видим, всего 20 тысяч. А у Бека и других авторов речь идет о 400 тысячах. Очевидно, эта последняя цифра до крайности преувеличена, и ни о каких 500 тыс. (а тем более 600) населения в Аттике говорить не приходится.

Насколько бездоказательны и произвольны все такого рода вычисления, можно видеть из подсчетов того же Бека относительно хлеба, производимого в Аттике, и хлеба, привозимого туда. Они должны в то же время служить проверкой предположенной им цифры населения. Бек принимает за исходную точку указанных 400 (365) тысяч рабов и одну сорок восьмую медимна (медимн = ок. 100 ф.) ячменя в день для каждого, для свободных же, в виду лучшей пищи, потребляемой ими, несколько больше. Все это, конечно, ничем не доказанные цифры. Получается круглой цифрой 3.400.000 медимн, необходимых населению, кроме семян для посева. Демосфен же сообщает, что привозимые из Понта 400 тыс. мед. равны всему прочему привозу ⁴⁾, так что всего импорт равняется 800 тыс. мед. Но Бек, ссылаясь на неточность указаний Демосфена, считает возможным—без каких бы то ни было к тому оснований—увеличить эту цифру до 1 мил. Следовательно, Аттика должна была производить остальные 2.400.000 мед. Такой урожай он считает вполне возможным, хотя и признает, что в Аттике были нередки голые скалы. Но он находит что там, где каменистая почва была смешана с землей, мог возделываться ячмень; остальное уже добавляло человеческое умение ⁵⁾. Принимая урожай в сам-семь, он получает площадь

¹⁾ De vectigal. (Peri poron) 4. 24—25.

²⁾ Thykydides. VII. 27.

³⁾ Boeckh-Fränkcl. I. p. 51.

⁴⁾ Demosthenes. XXI. C. Leptin. 31.

⁵⁾ Boeckh-Fränkcl. I. p. 97—103.